

Н. Ю. Шведова

РУССКИЙ ЯЗЫК

Избранные работы

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Н. Ю. Шведова

РУССКИЙ ЯЗЫК

Избранные работы

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

ББК 81.2Рус-3
Ш34

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16070д

Ш 34 Шведова Н. Ю.

Русский язык: Избранные работы / Росс. акад. наук; Отд-е историко-филолог. наук; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 640 с. (Studia Philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-88744-0570

В книгу вошли избранные работы, написанные автором в течение последних сорока лет и публиковавшиеся в разных русских и зарубежных журналах и сборниках, а также дополненный и исправленный текст книги «Местоимение и смысл» (1988 г.). В этих работах охватывается широкий круг проблем, относящихся к русскому языку и общему языкознанию. Это теория грамматики и, прежде всего, синтаксиса, взаимодействие лексики и грамматики, слово как центральная единица языковой системы, общие вопросы лексикологии и лексикографии, а также — в работах последних лет — теория языкового смысла и типология сообщений. Собранные вместе, эти работы показывают основные моменты развития отечественной лингвистической школы, ведущей свое начало от трудов академика В. В. Виноградова.

Книга предназначена для лингвистов, аспирантов и студентов высших филологических учебных заведений.

ББК 81.2Рус-3

ISBN 5-88744-0570

© Н. Ю. Шведова, 2005
© Языки славянской культуры, 2005

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	9
Краткая биография	11

ГРАММАТИКА. СИНТАКСИС

Русская научная описательная грамматика в Российской академии наук ...	13
О принципах построения и о проблематике «Русской грамматики»	20
Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения	38
Простое предложение (<i>Основные понятия</i>)	43
Парадигматика простого предложения в современном русском языке (<i>Опыт типологии</i>)	55
Синтаксическое желательное наклонение	116
Синтаксическое долженствовательное наклонение	124
Синтаксическое время	133
Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих пред- дикативность?	143
О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого пред- ложения»	153
Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм	164
Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как само- стоятельные распространители предложения	177
Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распро- странители предложения?	193
К спорам о детерминантах (<i>Обстоятельственная и обстоятельственная детерминация простого предложения</i>)	206
О синтаксических потенциях формы слова	217
О понятии синтаксического ряда	227
О функциях простого предложения	233

МЕСТО СЕМАНТИКИ В ОПИСАТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

Место семантики в описательной грамматике (синтаксис)	243
О соотношении грамматических и семантических характеристик предложения	253
Трудные вопросы представления семантической структуры предложения в описательной грамматике (<i>Тезисы доклада, прочитанного на X Заседании Международной грамматической комиссии в г. Скопле в 1979 г.</i>)	260
Объектная форма в субъектной позиции	264
Дихотомия «присловные — неприсловные падежи» в ее отношении к категориям семантической структуры предложения	270

СЛОВО В СИНТАКСИСЕ

Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса русского литературного языка XVIII—XIX вв.	285
Из истории родительного квалитативного в русском литературном языке XVIII—XIX вв.	293
Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи	313
К изучению русской диалогической речи: реплики-повторы	324
Об аналитических конструкциях в системе словосочетаний (<i>Сочетаемость, диктуемая стержневым словом</i>)	348
Категориальные свойства слова на службе его синтаксических связей	361

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА. СЛОВО. ЕГО ОПИСАНИЕ В СЛОВАРЕ

Об активных потенциях, заключенных в слове	375
Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова	382
Глагол как доминанта в системе русской лексики	391
Лексическая классификация русского глагола (<i>на фоне чешской семантико-компонентной классификации</i>)	396
Лексическая система и ее отражение в толковом словаре (<i>Класс личных местоимений</i>)	410
Парадоксы словарной статьи	420
Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем»	425
Автор или составитель? (<i>Об ответственности лексикографа</i>)	441

ДЕЙКТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЙ СМЫСЛ

Местоимение и смысл (<i>Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства</i>)	445
Часть I. Система местоимений как основа смыслового строения языка	447
Часть II. Исходные местоимения, их микросистемы и их смысловой потенциал	479
Заключение	541
О глаголе <i>быть</i>	544
Русская дейктическая форма <i>сделано</i> и означаемый ею тип сообщения	554
Опыт описания типов сообщения в опоре на дейктические единицы языка (<i>делать — делаться — иметь место — каково</i>)	562
Две заметки о смысловых пересечениях	587
Теоретическая концепция русского идеографического словаря (<i>параграфы из «Проспекта Русского идеографического словаря “Мир человека и человек в окружающем его мире”»</i>)	596
Литература	605
Библиография работ автора	620

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Таблица к работе «Местоимение и смысл (<i>Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства</i>)» (вклейка) Графическое изображение дейктической системы русского языка в ее базовых единицах	637
Приложение 2. Предметный указатель	638

ОТ АВТОРА

В этой книге собраны работы, публиковавшиеся в течение последних сорока лет и посвященные вопросам русской грамматики (прежде всего — синтаксиса), лексики, взаимодействию грамматики и лексики, лексикографии, языковому значению и смыслу, типологии сообщений. Конечно, можно было бы объединить эти работы (вместе с другими, не вошедшими в эту книгу) в единую монографию с последовательно связанными главами. Но, во-первых, это потребовало бы очень большого времени, которого у автора остается уже мало. Во-вторых — и это, пожалуй, главное — мне казалось, что читателю будет интересно непосредственно «погрузиться» в те годы, когда все эти вопросы горячо обсуждались, когда шли оживленные дискуссии и многие предлагавшиеся решения вызвали несогласие и споры; именно таковы вопросы о парадигматике предложения и его формах и регулярных реализациях, о детерминантах, о семантической структуре предложения, о дейктической системе языка, о типологии сообщений и др. Обращаясь к страницам этой книги, к отдельным статьям и избранным исследованиям, читатель становится участником лингвистических дискуссий, непосредственно, сам сопоставляет разные точки зрения, видит сильные и слабые стороны разных взглядов и решений.

С другой стороны, ознакомление с собранными здесь работами разных лет, посвященными различным вопросам русского языкознания, убедит читателя в том, что все эти работы объединены единством исследовательского метода. Этот метод кратко можно обозначить как «путь от формы к значению», безусловное принятие и утверждение тезиса о том, что форма сама по себе всегда значима и что малейшие формальные различия всегда сопровождаются пусть частными, иногда трудно уловимыми различиями в значениях. Этот тезис, идущий от классических традиций отечественного языкознания, находил (и, к сожалению, до сих пор находит) активных, а порою и агрессивных противников, противопоставляющих в своих многочисленных и поверхностных публикациях тезису «от формы к значению» тезис «от значения в никуда».

В предлагаемой здесь книге, во всех ее разделах читатель проследит путь исследователя, видящего неразрывность формы и значения и стремящегося познать форму как безусловного и первичного участника в создании тех или иных языковых значений. В то же время автор строго следовал классическому положению об

асимметрическом дуализме языкового знака и всем тем выводам, которые в процессе исследования материала вытекают из этого тезиса. Неизменное следование этому научному методу читатель увидит в работах, посвященных как грамматике, так и лексикологии и лексикографии, в главах, специально посвященных специфическим конструкциям разговорной речи, в решении вопросов семантической структуры слова, актуальных теоретических вопросов лексикографии.

Изучение словесного состава языка как естественной системы, описание (в многолетнем коллективном труде — «Русском семантическом словаре») всех классов этой системы — ее классов с учетом их формальных, структурных признаков — привело автора к важному выводу о существовании внутри этой системы вполне определенного и закрытого класса слов с собственно указующей, дейктической функцией. Дейктическая система языка выступает как двучастная формализованная лексическая «малая система», являющаяся носителем глобальных языковых смыслов, пронизывающих все уровни языка и организующих его смысловой строй. Подробное описание дейктической системы языка привело к определению языкового смысла как формализованной категории. Полученные здесь результаты естественно определили собою поиски новой концепции идеографического словаря — такого, в котором описываемые единицы представляют собой некие семантические совокупности, комплексы, существующие и обнаруживающие себя в строго определенной системе языковых смыслов.

Понятно, что в этой книге не могла отразиться моя многолетняя каждодневная работа над однотомным словарем русского языка, начатая сразу после смерти С. И. Ожегова (1964) в качестве ответственного редактора словаря и, после почти сорока лет его пополнения и углубления словарных статей, вылившаяся в совместный труд двух авторов — «Толковый словарь русского языка» (изд. 1–4, 1992–2001). Этот словарь в своем почти удвоившемся корпусе совместил в себе задачи нормализации употребления слов и их форм с таким описанием семантической структуры слова, системы его значений, которое соответствует их современному состоянию и отражает изменения в лексике, происходившие и продолжающие происходить в наше время.

Много времени и труда потребовала также моя многолетняя работа по редактированию целого ряда сборников и монографий других исследователей, а также — по авторскому участию и редактированию больших коллективных трудов, и прежде всего, грамматики 1970 года, двухтомной академической грамматики 1980 года, грамматики 1989 года и многотомного «Русского семантического словаря» (тт. 1–3, М., 1998–2003, продолжающееся издание). Всю эту работу я выполняла с любовью и большим чувством ответственности; она дала мне возможность работать как с крупными учеными, так и с молодыми исследователями — моими учениками.

Несмотря на то, что мой путь не был гладким, я считаю свою научную судьбу счастливой и отношусь с глубокой благодарностью ко всем, с кем мне было дано идти по этому пути.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Родилась в Москве в 1916 г. В 1935 г. окончила английское отделение Московского переводческого техникума (позднее преобразовавшегося в Институт иностранных языков). С 1935 по 1936 гг. работала корректором-переводчиком в Московском центральном телеграфе. В 1940 г. окончила Московский государственный педагогический институт по специальности «русский язык и литература». С 1940 по 1944 г. работала старшим преподавателем в Мордовском учительском институте и Мордовском государственном педагогическом институте (в годы войны — в г. Темникове Мордовской АССР). В 1946 году по окончании аспирантуры под руководством акад. В. В. Виноградова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Возникновение и развитие предикативного употребления полных прилагательных в русском языке». С этого же времени начала работать в Институте русского языка АН СССР (в разные годы сливавшемся и разделявшемся с Институтом языкознания). В 1958 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Синтаксис русской разговорной речи. Строение простого предложения». В 60-е и 70-е годы в течение ряда семестров читала теоретический курс «Синтаксис русского языка» и вела семинарские занятия на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1964 году мне было присвоено звание профессора. В 1984 году избрана членом-корреспондентом Академии наук СССР, в 1997 г. — действительным членом Российской академии наук. В Институте русского языка последовательно занимала должности младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника и (в 1961—1989 гг.) заведующего сектором истории русского литературного языка (в 1970 г., преобразовавшегося в сектор истории и грамматики русского литературного языка, а в 1986 г. — в отдел грамматики и лексикологии современного русского языка). С 1966 года в течение 15 лет являлась членом Международной грамматической комиссии при Международном комитете славистов.

Мною опубликовано более 170 научных работ по вопросам истории русского литературного языка, грамматики, лексикологии, лексикографии, теории слова, истории науки о русском языке. В течение последних сорока лет (после смерти С. И. Ожегова, 1964 г.) я была занята работой над однотомным «Словарем русского языка (редактирование и пополнение 9—23-го изданий). В 1990 г. как соавтор этого словаря награждена премией им. А. С. Пушкина Президиума АН СССР. С

1991 года одностомный словарь русского языка выходит как произведение двух авторов — С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой («Толковый словарь русского языка», изд. 1–4, 1991–1997 гг.). В настоящее время являюсь советником Президиума Российской академии наук и возглавляю ведущую научную школу «Структурно-функциональное описание русского языка в аспекте взаимодействия грамматического и лексического строя, грамматической и лексической семантики, законов текста».

Формированием своих научных взглядов и пониманием задач науки о языке я обязана прежде всего академику Виктору Владимировичу Виноградову и в целом традициям классического отечественного языкознания.

Н. Ю. Шведова

ГРАММАТИКА. СИНТАКСИС

РУССКАЯ НАУЧНАЯ ОПИСАТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

1. Для русской грамматической традиции разграничение академической и неакадемической науки о строе русского языка можно считать в значительной степени условным. С одной стороны, несомненным и сильным было влияние ученых-академиков на развитие грамматической мысли вообще; лингвисты, создававшие свои труды вне стен Академии, в той или иной мере всегда работали в русле академической науки; яркий пример тому — Пешковский, внешне никак не связанный с академической деятельностью, но находившийся под сильным влиянием двух крупнейших наших академиков — Фортунатова и Шахматова. С другой стороны, Академия наук постоянно держала в поле своего зрения всех творчески работающих языковедов и избирала их в свой состав. Поэтому в историю академической науки органически входят и Потенция, и Буслаев. Можно утверждать, что начиная с Ломоносова и Востокова наша грамматическая мысль во всех своих важнейших направлениях развивалась в русле академической науки и под эгидой этой науки.

История русской академической грамматической науки богата славными именами. Перечислять их нет необходимости. Скажем только, что крупнейших русских грамматистов, представлявших самые разные школы и направления, роднят такие драгоценные качества, как широта научных интересов, отсутствие замкнутости, узости, непредвзятость и самобытность научных решений, отношение к языку как к огромной самостоятельной ценности.

Академия наук видела в своих стенах лингвистов разного склада, разных направлений. И огромная ее заслуга — в том, что ее авторитетом были освящены не только труды блестящих ученых-теоретиков, нередко опережавших западноевропейскую мысль своего времени, но и труды ученых, пришедших в большую науку из практики. Таков, например, был замечательный языковед В. И. Чернышев, посвятивший себя решению нормализаторских задач на основе скрупулезного изучения фактов в духе ломоносовского «рассудительного употребления».

2. Русская грамматическая наука имеет собственные характерные черты, определившие и определяющие ее большую роль в развитии грамматической науки в

целом. Не будет преувеличением сказать, что история грамматической науки в России есть история идей. Их перечень занял бы многие и многие страницы. Напомним здесь лишь некоторые яркие и новые идеи, надолго определившие у нас пути развития грамматической мысли и время от времени дающие все новые и новые ростки. Такова, например, присутствующая уже у Ломоносова идея о том, что грамматические категории языка существуют в системе, что они сложно связаны друг с другом целой сетью принадлежащих языку функционально-смысловых соотношений. Под разным углом зрения и под разными названиями эти принадлежащие языку соотношения вот уже более двух столетий так или иначе анализируются и описываются грамматистами. Такова, далее, основополагающая идея о неоднородности и неоднозначности грамматической формы. Истоки ставшего аксиомой современной лингвистики положения об асимметрическом дуализме языкового знака нужно искать в трудах русских грамматистов, питавших теоретическую мысль Карцевского, который впервые сформулировал этот бесспорный тезис. Достаточно вспомнить учение Потемнина о категориях глагола, учение Фортунатова о залогах или шахматовское учение о грамматических категориях, чтобы убедиться, что именно здесь лежат истоки учения о неоднозначности формы. Тезис Фортунатова о заложенной в слове и в словосочетании способности выражать «психологическое суждение» есть не что иное, как тезис о потенциальной многозначности языкового знака, — пусть эта его мысль развивалась и с психологических позиций, и в облачении соответствующих терминов. Еще одна, более частная иллюстрация — оригинальная теория синтагм, восходящая к мыслям Востокова о «прозодическом периоде», которые были творчески развиты Щербой и Виноградовым. Понимание синтагмы как интонационно-смыслового единства, вычленяемого из предложения, имеет все преимущества перед достаточно внешним определением синтагмы как бинарной организации. Говоря о русской грамматике как грамматике идей, нельзя обойти молчанием яркие и плодотворные идеи Винокура в области словообразования, идеи Виноградова в области словообразования и особенно синтаксиса, послужившие стимулом для появившихся после трудов этих ученых многочисленных разысканий в данных сферах грамматического знания.

3. В процессе более чем двухвекового развития наша грамматическая наука выработала, определила для себя и утвердила во многих фундаментальных трудах такие концептуальные положения и такие проверенные целыми поколениями лингвистов методологические принципы, которые характеризуют ее как науку, опирающуюся на свою собственную лингвистическую теорию. Вот некоторые из этих важнейших положений.

1) Во всех наших отечественных классических грамматических трудах — у разных ученых по-разному — присутствует понимание языкового строя как неоднородной системы, внутри которой постоянно и разнообразно осуществляются межуровневые, внутрисистемные связи и взаимодействия. Эти связи действуют как в синхронии, так и в диахронии, причем процессы эти сложно перекрещиваются. Таким образом, язык, его грамматический строй понимается не как линейная, плоскостная организация, а как «система систем», и этим пониманием

не только естественно обуславливаются, но и неизбежно порождаются такие методы изучения языковых категорий, которые способны отразить эту сложную организацию, специфику категорий каждого отдельного уровня и специфику внутрисистемных отношений. Достаточно здесь напомнить хотя бы курсы Фортунатова, в которых он показывал, что основные и формальные характеристики слова выделяются на базе живых соотношений, существующих в данном языке в данную эпоху, что форма слова представляет собою результат этих соотношений и узнается по этим соотношениям.

2) Грамматическая категория всеми русскими языковедами понималась и понимается как неразрывное единство внешнего строения, внутреннего содержания и функционального назначения. Со времен Потебни этот тезис остается неизблемым. С таким пониманием грамматического объекта в нашей традиции связано его многоаспектное изучение, выливающееся в разные формы — от строгих и систематических характеристик у ученых востоковедского толка до увлекательных лингвистических раздумий Щербы. К этому следует прибавить еще постоянное внимание к стилистической природе грамматического явления, к его месту в функционально-стилевой системе.

3) В отечественной лингвистической традиции прочно установилось понимание грамматики как науки, оперирующей своими собственными, только ей присущими категориями. В борьбе с экспансией механицизма и поверхностности грамматических построений Греча, в спорах со сторонниками внешних, по чужим образцам построенных приемов анализа, подменявших собственно грамматические изучения всяческими подстановками и «восстановлениями» иллюзорных опущений, русская грамматическая наука отстояла и утвердила тезис о самостоятельности и специфичности собственно грамматических категорий и форм. В статье «Потебня — лингвист» об этом хорошо писал Л. А. Булаховский: «В важных методологических точках зрения Потебня решительно освобождается от продиктованных традиционными школьными приемами ошибок, которым еще приносит свою дань в “Опыте исторической грамматики русского языка” Буслаев. Одна из важнейших — истолкование ряда конструкций не в сопоставлении с реальными фактами языка, а с отвлеченно взятыми оборотами, воображаемыми или привлеченными из других языков, но выдаваемыми за соответствующие природе “мысли” самой по себе. Наиболее тяжелый методологический грех Буслаева в этом отношении — неосторожное, упрощительское оперирование различными “подразумеваниями” и тем самым навязывание языку чуждых ему приемов мысли. Ряд таких ошибок Буслаева вскрыт был уже самим Потебнею» [Булаховский 1946: 47].

Потебня противопоставил буслаевскому направлению углубленное толкование грамматических категорий, опирающееся на языковые факты, без обращения к категориям логики и психологии. Продолжая в этом смысле линию Востокова, устранившего логические категории из синтаксиса, Потебня утверждал, что язык есть тоже форма мысли, но такая, которая ни в чем, кроме языка, не встречается.

К нашему времени положение о самостоятельности грамматических категорий можно считать окончательно утвердившимся. Однако «посягательства» на эту самостоятельность еще не изжиты окончательно. Интересно вспомнить в связи с

этим, как лет десять тому назад, в период увлечения математической лингвистикой, В. В. Виноградов в одной из своих газетных статей писал о том, что грамматике следует вести себя благоразумно и не бросаться легкомысленно из одних объятий в другие: из объятий логики и психологии в объятия математики.

4) В традицию русских грамматических исследований прочно вошло положение о связи грамматических и «вещественных» значений, об ограничениях, накладываемых на грамматику лексической семантикой слов, о тесных связях этих двух сторон языкового знака. Уже целое столетие сохраняет свою актуальность потебнианский тезис о взаимных связях грамматики и лексических значений слов. Сейчас нельзя представить себе грамматическое исследование, в котором в той или иной форме не учитывалась бы эта сторона языковой действительности.

Таким образом, русская грамматическая наука опирается на целый ряд важных общелингвистических теоретических положений, выработанных в процессе развития этой науки. У нее есть свои истоки, свои богатые традиции, своя национальная специфика. Удивительно поэтому бывает читать книги, авторы которых с непонятной легкостью перечеркивают эти традиции и всю эту науку и в поисках теоретических эталонов отсылают нас к заведомо односторонним и умозрительным американским теориям.

Конечно, никто не проповедует лингвистической узости и нигилизма: всегда есть чему поучиться у других, в работах ученых разных школ и направлений всегда есть над чем подумать. Но это вовсе не значит, что свои источники исчерпаны и что нужно отбросить все достигнутое классиками русской грамматической мысли и успешно развиваемое в работах многих наших языковедов.

Следовало бы помнить также о том большом влиянии, которое оказала русская грамматическая мысль на развитие лингвистики в других странах — прежде всего, конечно, в странах славянских. Известна, например, огромная роль идей Фортунатова, к которому приезжали учиться такие лингвисты, как О. Брок, Х. Педерсен, П. Буайе, Й. Поливка, А. Белич и др.; особо следует напомнить о сильном его влиянии на труды А. Мазона. Известно также прямое и непосредственное воздействие шахматовского учения на синтаксическую концепцию Фр. Травничка и на всех ученых его школы. Разнообразные и тесные связи и взаимное понимание существуют сейчас между разными русскими и чешскими, русскими и польскими грамматическими школами. В свете всего этого странно и непонятно, как могут некоторые наши языковеды утверждать, что в природе вообще не существует такого явления, как русские грамматические школы.

4. История развития русской грамматической мысли характеризуется повторяющимися сменами преимущественного внимания и интереса то к формальному, то к функциональному аспекту в изучении грамматических форм и категорий. Время от времени происходит как бы пересмотр научного метода, самого подхода к выделению и описанию собственно предмета грамматики. Исключительное внимание к форме и к системам форм, к самой материи грамматики и к формальной организации тех или иных единиц в какие-то моменты сменяется усиленным интересом к тем смыслам, которые в этих единицах заложены и существуют как бы над ними. Соответственно избираются то строго формальные, то семанти-

ческие обоснования для группировки и описания грамматического материала. Эти периодические смены сопровождаются горячими спорами о том, «что лучше», где лежит истина. Сторонники функционального аспекта аргументируют правильность и целесообразность смыслового подхода тем неоспоримым тезисом, согласно которому язык есть практическое сознание людей; грамматисты, начинающие с формальных изучений и кладущие в основу описания форму, исходят из того, также бесспорного тезиса, что грамматика имеет свои собственные материальные единицы и что начинать изучение этих единиц нужно исходя из их собственного устройства. Время от времени активизируется то один, то другой подход.

Разумным представляется такое изучение, при котором рассматриваются все стороны грамматической формы и не упускаются никакие необходимые — но обязательно ее собственные — характеристики. При этом строгим оказывается изучение, идущее от формы, от самого строения грамматической единицы — к ее значимой стороне. Верно, что при таком описании смысловые характеристики могут оказаться обобщенными, что могут остаться в тени явления, связанные с синонимикой, с функциональными заменами. Однако устранение этого недостатка, т. е. возможность углубления в семантический анализ (корректируемый строгим методом), при «формальном подходе» всегда остается легко реализуемой реальностью. Напротив, при описании «от смыслов» нередко оказывается потерянным самый объект грамматики, упускается из виду необходимость строгой и целостной систематизации материала и, что особенно опасно, открывается простор для сознательного неразграничения грамматического значения и собственно содержания высказывания. Ярким примером здесь может служить опыт Щербы с выделением из системы русских частей речи так называемой «категории состояния». Этот опыт был интересен потому, что он был осуществлен таким лингвистом, как Щерба, — с его знаниями, с его лингвистическим кругозором, чутьем и уважением к языку. Но этот опыт в целом нельзя считать удавшимся, потому что формальные границы «категории состояния» Щербой устанавливались как принципиально размытые; языковеды, увлекшиеся этой идеей, соревновались в пополнении вновь открытой категории все новыми и новыми единицами, переводимыми в этот разряд из других классов слов на основе только функциональных признаков, понимаемых, к тому же, неоправданно широко. И не случаен тот факт, что позднее из этой категории в грамматических описаниях утвердились только так называемые предикативы, т. е. слова, объединенные своими собственными формальными характеристиками.

В рамках категорий, выделенных по формальным основаниям, всегда есть возможность идти вглубь, в грамматическую семантику, локализуя значения в границах их формального выражения. В рамках «категорий смысловых», выделяемых часто субъективно и с принципиальным исключением установки на полноту, возможность установления строгих формальных границ практически исключается, так как отсутствуют сколько-нибудь определенные критерии выделения самих этих категорий. Мы не знаем ни одной работы, автор которой ответственно заявил бы своим читателям, что он дал хотя бы относительно полный перечень семантических категорий в грамматике, в частности, например, в синтаксисе.

Русская грамматическая мысль так или иначе всегда была направлена на разумное совмещение двух рассмотренных выше аспектов, и задачей грамматистов нужно считать сохранение и утверждение этого принципа.

5. За долгие годы своего существования наша грамматическая традиция выработала свой тип научной академической грамматики. Первой была «Русская грамматика» Ломоносова. Уже в ней определились такие характерные черты будущих лучших описаний грамматического строя русского языка, которые обеспечили их неустареваемость. Это теоретический подход, системность и стремление к полноте, гибкое, не пуристическое отношение к норме, внимание к стилистической распределенности форм. Остановимся кратко на некоторых из этих характерных черт отечественных грамматических описаний.

Лишь очень немногие из русских описательных грамматик не отмечены собственной теоретической концепцией их автора (ср., например, лишенную исследовательской индивидуальности грамматику 1802 г. или «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» 1852 г.). Обычно же со страниц такой грамматики с нами говорит исследователь, излагающий результаты своих собственных научных разысканий. В академических грамматиках, в написанных в разное время грамматических курсах читатель не просто черпает необходимые для него сведения: со страниц книги ему звучит голос Ломоносова, Востокова, Буслаева, Грота, Шахматова, Виноградова. Это обеспечивает нашим грамматикам их глубоко научный и в то же время индивидуальный характер: они отражают состояние исследовательской мысли своего времени.

Для классиков нашей грамматической науки характерно понимание национального языка как индивидуальной и неповторимой системы; им чуждо стремление к универсализации грамматических категорий. Знаменательны в этом смысле слова Фортунатова о том, что «формальные классы, существующие в одном языке, не должно предполагать непременно существующими в другом языке». Такой подход обеспечил лучшим представителям русской лингвистической мысли тщательность и глубину языкового анализа, внимание к особенным и самобытным сторонам грамматического строя своего языка. Здесь были исключения: известно, например, какой след наложила на грамматику Буслаева тенденция к сближению с грамматиками других языков, к следованию общеевропейским традициям и логическим схемам. Но показательно, что материалы буслаевской грамматики оказались сильнее этих тенденций и обеспечили его книге долгую научную жизнь. С другой стороны, не совпадающая с национальными традициями теоретическая направленность этой грамматики косвенно содействовала рождению в спорах утверждению и развитию этих традиций.

Авторов большинства наших грамматических описаний всегда отличало стремление к полноте охвата материалов: изложение тех или иных выводов, правил опирается у них на достаточные языковые свидетельства, на цитацию классиков художественной литературы. Многие наши грамматики поэтому выполняли в свое время не только научно-систематизирующие, но и просветительские задачи. Полнота материалов совмещается с систематичностью их организации. Достаточно вспомнить, например, шахматовское описание категорий имени и глагола в «Очер-

ке современного русского литературного языка» или его же классификацию предложений в «Синтаксисе русского языка».

Исследовательский подход привел крупнейших наших грамматистов к такому отношению к нормализаторской деятельности, при котором норма понимается как явление динамическое, показывается как категория варьируемая. Изучая наши лучшие грамматики, стоит обратить специальное внимание на характер запретов: они даются с осторожностью, всегда объясняются, допускаемые варианты тщательно распределяются по стилистическим и функциональным сферам.

Грамматическое описание в отечественной традиции всегда было тесно связано с лексико-семантическими характеристиками. Начиная с Ломоносова, который вместе с Кондратовичем трудился над «сочинением российского лексикона», почти все наши крупнейшие грамматисты были и лексикологами, и лексикографами. Это наложило свой отпечаток на всю русскую грамматическую науку, убергло ее от схематизма, определило включение в грамматику существенных для нее лексических характеристик; см., например, у Потемби почти исчерпывающие перечни слов, способных в определенных морфологических формах выполнять ту или иную синтаксическую функцию.

Все эти и многие другие связанные с ними характерные черты русских грамматических описаний определили их важную роль в развитии грамматической науки в целом.

6. В середине и второй половине XX в. в Академии наук были созданы две научные описательные грамматики русского языка — «Грамматика» 1952—54 гг. и «Грамматика» 1970 г.; сейчас заканчивается авторская работа над двухтомной академической «Русской грамматикой». Особенность этих грамматик в том, что они пишутся авторскими коллективами: сейчас ни один ученый не может сам, один написать полную академическую грамматику. С этим связано многое: в коллективной работе сотрудничают несколько самостоятельных исследователей; возникает острая и трудная задача координации решений — часто совершенно конкретных. Полностью эта задача не была решена ни в «Грамматике» 1952—54 гг., ни в «Грамматике» 1970 г. Между тем читатель вправе ждать и требовать от научной описательной грамматики абсолютной непротиворечивости, целостности и последовательности. Языковеды предъявляют к этой книге свои требования: ее главы должна объединять общая лингвистическая концепция. Здесь нет ни необходимости, ни возможности перечислять удаchi и неудачи двух названных выше уже вышедших грамматик. Эти книги широко обсуждались. Достаточно напомнить, что «Грамматика» 1970 г. получила более 30 рецензий, был проведен специальный симпозиум, посвященный ее обсуждению, прошла дискуссия в специальной печати. Таким образом, на протяжении двух с половиной — трех десятилетий из стен Института русского языка Академии наук выходят три научные описательные грамматики современного русского литературного языка. Этот факт может быть расценен как свидетельство неустойчивости решений, нежелательной легкости в их принятии и пересмотре. На самом деле это не так. «Грамматика» 1952—54 гг., за исключением своего теоретического введения, написанного В. В. Виноградовым, подводила итоги предшествующих изучений: ее главы, так, как они вошли в эту

книгу, могли бы быть написаны и в 40-х, и даже в 30-х годах. Но введение, предпосланное этим главам, нацеливало на коренной пересмотр очень многих сложившихся представлений, которые изложены в конкретных разделах этой книги; оно во многом определяло и пути, по которым следует идти. «Грамматика» 1970 г. в той степени, в которой это было возможно, попыталась в некоторых направлениях пойти по этим путям. Но это не была грамматика, адресованная к широкому читателю (хотя информативная часть ее — богаче, чем в «Грамматике» 1952—54 гг.). Не все в ней одинаково удалось, главы ее неравноценны. Готовящаяся «Грамматика» не будет расширенным повторением «Грамматики» 1970 г.: это будет совсем другая книга, адресованная к другому читателю, гораздо более полная, по возможности просто написанная, богато иллюстрированная. Свои цели и задачи авторы изложили в проспекте «Опыт построения описательной грамматики современного русского языка» (М., 1972).

Коллектив, работающий над большой «Русской грамматикой», понимает всю ответственность, которую он на себя взял и которую накладывают на него наши академические традиции. Эти традиции нужно хранить, развивать и приумножать, не увлекаясь ни кратковременной и неверной модой, ни броскими, но не всегда достаточно глубоко продуманными идеями. В то же время нужно помнить о том, что наука не стоит на месте, что в последние десятилетия мы обогатились новыми материалами и новой их трактовкой, что самые методы лингвистической работы постоянно совершенствуются. Нужно помнить и о том, что само понятие «установившегося в науке» есть понятие относительное: ведь то, что сейчас для нас в грамматической теории кажется сугубо традиционным, в свое время было и новым, и смелым, и необычным, и далеко не всеми принималось. Несомненно одно: в своей работе, в выборе решений мы должны помнить о тех лучших характеристных чертах научных грамматических описаний, которые выработали и определили для них классики русской грамматической мысли.

1974 г.

О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ И О ПРОБЛЕМАТИКЕ «РУССКОЙ ГРАММАТИКИ»*

1. Создание научных описательных грамматик, отражающих состояние языка и состояние науки о языке своего времени, всегда было одной из главных задач русской Академии наук. Начиная с «Российской грамматики» Ломоносова Академией было издано несколько таких грамматик; они сыграли большую роль в развитии грамматической науки в целом.

Русские академические грамматики сложились как особый научный жанр, как особый тип научных грамматик, со своими характерными чертами, отличающими их от грамматических описаний как сугубо теоретического, так и, напротив, узко практического характера. Основными чертами русских академических грамма-

* Доклад, прочитанный на Общем собрании Отд. лит. и яз. 1 марта 1977 г.

тик, начиная с грамматики Ломоносова, были строго научный подход к языку, опирающийся на избранную концепцию, широкое понимание предмета описания, постоянное внимание к связям грамматики с другими сторонами языковой системы, отношение к норме как к объективно существующей, гибкой по своей природе организации со стилистически и функционально распределенными вариантами, установка на полноту описания, на охват большого материала. Естественно, что все эти черты в разных академических грамматиках представлены с разной степенью последовательности; однако именно названные теоретические позиции и практические установки обеспечили непреходящую ценность тех русских грамматик, которые могут считаться лучшими образцами в этой области.

Лучшие наши отечественные грамматики объединяются такими общими теоретическими позициями, которые позволяют говорить о самостоятельных и устойчивых традициях, сложившихся в научном описании грамматического строя русского языка. К числу таких традиций относится реализация идей о неоднородной организации грамматического строя и о постоянных и разнонаправленных межуровневых связях; о взаимосвязанности всех основных категорий внутри грамматического строя и о разнонаправленной связи самого грамматического строя с другими сторонами языковой системы; о наличии в грамматике своих собственных, только ей принадлежащих категорий и о неправомерности смешения категорий грамматики с категориями других интеллектуальных сфер, прежде всего — с категориями логики; о достаточности языковых единиц для их собственного истолкования; о потенциальной полисемии языкового знака и о неоднозначности формы; о необходимости постоянного внимания к живым языковым процессам, к тенденциям развития языка.

Можно утверждать, что ни одна из этих идей и традиций, ни их комплекс в целом не устарели и сейчас. Для научной описательной грамматики и, следовательно, дляготавливаемой новой «Русской грамматики» они остаются не только конструктивными, но и основополагающими.

Сейчас, в период активного развития грамматической мысли, мы нередко сталкиваемся с таким употреблением сочетания «традиционная грамматика», которое в устах некоторых лингвистов оказывается равнозначным сочетанию «устаревшая, несовременная, ушедшая в прошлое грамматика». Приходится с сожалением констатировать, что таким словоупотреблением эти лингвисты очень часто пытаются просто-напросто прикрыть свое плохое знание традиций, нежелание разобраться во всех сложностях поступательного развития науки, и сочетание «традиционная грамматика» в их употреблении должно быть истолковано как «вся та грамматика, которая была до меня и о которой я имею весьма смутное представление».

В наше время стремительно возникают разные новые лингвистические концепции, и многие из них столь же стремительно стареют. Недавно в одном из докладов, прочитанных на заседании Научного совета по теории советского языкознания, прозвучал тезис о том, что сейчас равно устарели и трансформационная грамматика, и уровневый подход к изучению языка, а современна и адекватна языковой действительности только теория номинации, т. е. изучение языковых единиц в аспекте их называющей природы — будь то слово (номинация лек-

сическая) или предложение (номинация пропозитивная). Между тем еще менее чем десятилетие назад сторонники генеративной и трансформационной грамматики беспепелляционно ставили крест на всех других теориях и методах и провозглашали себя единственными носителями лингвистической истины. Их опыт должен был бы научить осторожности. В частности, тезис об устарелости уровневого подхода к языку явно преждевременен. Понимание языка как иерархически организованной системы нескольких уровней, по-разному взаимодействующих друг с другом, — пусть без соответствующей терминологии — имеет давнюю традицию и всесторонне проверено в языковедческой работе.

Все это говорит о том, что академическая научная описательная грамматика должна быть в определенном смысле слова традиционной. Однако сложность заключается в том, что в такой грамматике эта традиционность необходимо должна сочетаться с глубоким и всесторонним отражением современного состояния научных знаний. В противном случае эта грамматика не будет иметь никакого научного значения и, следовательно, никакого авторитета. Сложность в решении этого вопроса как раз и состоит в том, чтобы, ориентируясь в современных исследованиях грамматического строя, определить, что в этих исследованиях действительно развивает научную грамматическую традицию, а что является по отношению к ней внешним и требует еще методологической проверки.

2. Чрезвычайно показателен тот факт, что развитие грамматической науки в последние три десятилетия сделало актуальной задачу создания современных научных академических грамматик не только у нас, но и во всех других славянских странах. За это время исследователи разных славянских языков (а здесь нужно говорить прежде всего о них, так как изучение русского языка не только не изолировано от изучения других славянских языков, но теснейшим образом с ним связано) накопили и ввели в научный оборот большое количество новых материалов. Эти материалы, новые сами по себе и по-новому интерпретируемые, заставили внести существенные коррективы во многие, казалось бы, устоявшиеся концепции, пересмотреть решения целого ряда вопросов. Характерной чертой наиболее ценных грамматических трудов последнего времени была установка на исчерпанность в описании тех или иных явлений, и успешное выполнение этой исследовательской задачи обнажило неполноту, а иногда и односторонность многих характеристик и сведений, переходящих из одной описательной грамматики в другую. Взгляды исследователей обратились к разговорной речи как к одной из форм существования литературного языка. В результате полученных знаний в ином свете предстали и многие явления речи письменной. Сама теория грамматики за эти десятилетия сделала большой шаг вперед. Возникли целые новые ее области, специально ориентированные как на внутренние отношения в самом грамматическом строе, так и на его отношения к другим сторонам языковой системы. Укрепился и обогатился функциональный аспект в изучении грамматических категорий.

Если попытаться кратко ответить на вопрос, что было в это время самым характерным для развития отечественной грамматической науки (имея в виду те ее направления, которые не порывали с традицией, а так или иначе шли в ее русле),

то можно сказать, что прежде всего расширились границы самого предмета грамматики как науки: понимание грамматического строя как целостной «системы систем» прочно совместились теперь с пониманием его как такой системы, все категории которой теснейшим образом связаны с категориями других языковых уровней, — начиная от морфологии и кончая словом во всей сложности его лексической семантики. С другой стороны, утвердилось понимание грамматического строя языка как организации иерархической, а реально представленной в языке грамматической единицы — как такой единицы, которая совмещает в себе грамматические значения разных ступеней абстракции и, следовательно, необходимо требует разносторонних и дифференцированных грамматических характеристик.

Практически во всех славянских странах, в разных лингвистических школах, развитие грамматической теории в последнее время стимулировало работу по созданию новых академических грамматик и, соответственно, разработку их теоретических концепций. Только за последние несколько лет соответствующими научными коллективами были созданы и представлены на широкое обсуждение новые концепции русской, чешской, польской, болгарской академических грамматик. Все эти концепции — полностью или частично — изложены в соответствующих проспектах, издававшихся (начиная с 1972 г.) академическими языковедческими институтами в Москве, Праге, Варшаве, Софии. Эти проспекты рассматривались и рассматриваются на ежегодных заседаниях Комиссии по изучению грамматического строя славянских языков, работающей при Международном комитете славистов. Концепции эти очень различны: одни более традиционны, иногда компромиссны, другие свидетельствуют о стремлении построить академическую грамматику на основе самых новейших теорий и методов. И в то же время все эти концепции отражают требования времени, так же как и уже изданные в последние десятилетия академические грамматики языков украинского и словацкого или двухтомная «Русская грамматика» (в сопоставлении с чешской), подготовленная коллективом чешских русистов в Праге (Praha, 1979).

Таким образом, обсуждающаяся сегодня «Русская грамматика» входит в общее русло аналогичных больших предприятий в разных славянских странах.

3. В Институте русского языка АН СССР подготовительная работа над новой грамматикой началась с середины 60-х годов. Именно в это время в своем основном составе сложился тот коллектив, который пишет «Русскую грамматику». Работа была начата по прямому заданию акад. В. В. Виноградова. Уже к началу 60-х годов стало очевидно, что «Грамматика» 1952—1954 гг. (в написании которой активно участвовали и некоторые авторы будущей книги), сыгравшая большую положительную роль как труд, который подвел итоги предшествующих изучений, в скором времени уже не сможет отвечать современным требованиям: эта грамматика целиком покоилась на первом из названных выше принципов — на принципе сохранения традиций, однако она далеко не во всех своих главах отражала то состояние грамматической теории, которое сложилось к 60-м годам XX в. Эта книга не только обнажила многие «белые пятна» на карте нашей грамматической науки, но и простым соединением своих глав, а также особенно соединением своих глав с теоретическими введениями к I и, главное, ко II томам показала, насколько

неравномерен был у нас уровень изучения разных сторон и участков грамматического строя языка. Многие главы, объединенные в «Грамматике» 52—54-х годов, писались в 30-х и 40-х годах: уже в момент выхода этой книги они требовали существенных изменений и дополнений; об этом было сказано в предисловии.

В 1963 г. был сформирован коллектив, который приступил к разработке плана и теоретических принципов научной описательной грамматики русского языка, — такой, какой, по нашим представлениям, она должна была бы быть в то время. В 1966 г. вышел развернутый проспект под названием «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». Этот проспект широко обсуждался в печати и на специальном совещании. На его основе была издана «Грамматика современного русского литературного языка» 1970 г. Хорошо известен тот научный резонанс, который получила эта книга. Хотя в предисловии и было сказано, что она не претендует на статус нормативной академической грамматики и ставит перед собой совсем другие задачи, эта книга все же была воспринята многими читателями именно как строго нормативная академическая грамматика. Оценки ее были очень различными, часто совершенно противоположными и взаимоисключающими. Сам тот факт, что эта грамматика так широко обсуждалась, что многие положения ее основных разделов послужили отправной точкой для дальнейших разысканий и вошли в вузовские программы, свидетельствует о том, что эта книга сыграла свою роль в разработке как вопросов теории, так и принципов организации грамматического материала. Однако «Грамматика» 1970 г., конечно, не академическая грамматика в традиционно сложившемся понимании этого жанра.

С 1969 г. тот же коллектив, пополнившийся и в некоторой своей части измененный, приступил к работе над двухтомной академической «Русской грамматикой». В 1972 г. был опубликован ее проспект, который обсуждался на специальном симпозиуме и в целом получил одобрение. Была сформирована редколлегия. Она организовалась с учетом следующих трех требований: во-первых, чтобы это была работающая редколлегия; во-вторых, чтобы ее состав обеспечивал участие в редакционной работе специалистов по всем основным разделам грамматики, а также по фонетике, фонологии и морфонологии; в-третьих, чтобы в ней были представлены ученые не одного какого-то направления, а разных направлений, с тем, чтобы в процессе обсуждения и обработки отдельных глав могли быть сопоставлены разные точки зрения и, по возможности, достигнуты удовлетворяющие всех решения.

В настоящее время закончен I том «Русской грамматики» («Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Морфемика. Словообразование. Морфология») и близка к завершению редакционная работа над II томом («Синтаксис»).

Таким образом, можно считать, что с начала подготовительной работы над грамматикой — с момента выработки основных теоретических позиций, общих принципов описания и соотношения его частей — прошло более десяти лет. Естественно, что авторский коллектив за это время сам прошел большой путь развития. Сейчас трудно даже сказать, сколько раз и в каких самых различных формах — от всесоюзных совещаний до рабочих встреч в узком кругу специалистов —

обсуждались проспекты отдельных разделов и «Граматики» в целом, все главы этой книги и отдельные конкретные вопросы. Если сравнить вышедшие в 1966 г. «Основы построения описательной грамматики» и первый том «Русской грамматики», то станет очевидным, что целый ряд предполагавшихся решений пересмотрен, очень многое изменилось и, хочется думать, усовершенствовалось. Это естественно и не могло быть иначе. Только таким, трудным и длительным путем мы могли прийти к решениям, которые можно считать продуманными.

Академическая «Русская грамматика» ставит своей целью дать полное научное описание современного состояния грамматического строя русского литературного языка — его морфемики, словообразования, морфологии и синтаксиса. В «Граматику» включено также описание русской фонетики, фонологии, ударения и интонации: содержащиеся здесь сведения необходимы в разделах, посвященных морфологии, словообразованию и синтаксису. Эта грамматика является одновременно научной, описательной и нормативной: она ставит своей задачей совместить научное описание грамматического строя современного русского литературного языка с нормативными рекомендациями. Нормативные характеристики последовательно сопровождают описание материала; сообщается, какие варианты в словообразовании, в формах слов, в их ударении, в синтаксических конструкциях являются для современного состояния русского литературного языка единственно правильными и какие — допускаемыми в употреблении наряду с другими, равнозначными или близкими по значениям. С решением нормативных задач связано введение во все разделы книги стилистических и других специальных характеристик. Таким образом, эта книга обращена одновременно как к широкому кругу читателей, которые интересуются русским языком или стремятся к углублению своих знаний о нем, так и к специалистам-языковедам. Следует, однако, заметить, что понятие «широкий читатель» достаточно неопределенно; у разных категорий читателей требования к грамматике различны. Во всяком случае, эта книга рассчитана на людей, имеющих полное среднее образование. В то же время коллектив приложил много усилий к тому, чтобы сделать изложение по возможности простым и доступным.

Как следствие отмеченной выше неравномерной изученности современного состояния грамматического строя русского языка, перед авторами «Русской грамматики» встала задача большой исследовательской работы. Читатель-лингвист легко заметит, что очень многие разделы этой книги представляют собой результат самостоятельных разысканий и научных построений. В своих построениях, в формулировках правил, в стилистических характеристиках авторы опирались на разнообразные материалы; специально обследовались: художественная литература — современная и классическая; общественно-политическая, публицистическая литература; научная и научно-популярная литература; мемуары, дневники, произведения эпистолярного жанра; газеты и журналы; современная русская речь, звучащая в театре, кино, по радио и телевидению; живая разговорная речь, записывавшаяся как самими авторами, так и собранная и отраженная в специальных лингвистических исследованиях; разнообразные словари. Естественно также, что авторы широко пользовались материалами и выводами других исследователей.